

Глеб Иванович Успенский

Про счастливых людей

Кой про что

Глеб Успенский

Про счастливых людей

«Public Domain»

1885

Успенский Г. И.

Про счастливых людей / Г. И. Успенский — «Public Domain», 1885 — (Кой про что)

По свидетельству самого Успенского... материалом для рассказа послужили «аварские сказки». Интерес к ним появился у Успенского, вероятно, во время его путешествия по Кавказу в феврале – марте 1883 года, а источником послужили записи сказок, напечатанные в «Сборнике сведений о кавказских горцах», вып. II, Тифлис, 1869. В этом собрании, записанном и переведенном на русский язык аварцем Айдемиром Чиркеевским, имеются все три сказки, вошедшие в рассказ Успенского в вольном пересказе. Обрамлением этих сказок служит разговор на злободневно-современные темы трех дорожных спутников – солдата, приказчика и лакея, акцентирующий в сказках те мотивы, которые необходимы писателю для освещения основной темы рассказа.

Содержание

I	5
II	7
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Глеб Иванович Успенский

Про счастливых людей

(Святочный рассказ)

I

Летним вечером у проезжей столбовой дороги расположились на ночлеге трое прохожих. Старший из них был старый отставной солдат, лет семидесяти, и два других – помоложе. Сошлись они в пути в дороге: отставной солдат шел сначала один, шел по знакомым местам, заходил в знакомые деревни, где у знакомых ему крестьян, духовных и помещиков на кухне занимался перешивкой старого тряпья, починкой старого платья, а справив дело, шел дальше, тоже все по знакомым местам. Давно он уже в этих местах ходит и каждый уголок по старому Московскому шоссе знает.

Где-то, по пути по дороге, нагнал он другого прохожего и пошел с ним. И рассказал ему этот прохожий, что жил он восемь лет у богатого купца в приказчиках, жил хорошо, в полном достатке, да вдруг где-то лопнул банк, за банком лопнул какой-то компаньон, а за компаньоном лопнул и хозяин завода, богатый купец, у которого прохожий служил приказчиком, а за хозяином и он, приказчик, остался без хлеба, все прожил на большую семью и вот теперь так обеднел, что приходится идти пешком в Петербург, искать: не попадется ли какого местечка? Долго приказчик рассказывал солдату, какое ему было счастье, как он жил привольно, долго и горько жаловался на теперешнее свое несчастье, вздыхал и бога молил, чтобы опять ему господь счастье послал.

Слушал его прохожий солдат, но чтобы жалеть его – не очень жалел, ласковых слов ему не говорил и к малодушеству приказчикову не склонялся: твердый был человек. А когда приказчик рассказал по два, по три раза все свои горести, то пошли они молча; только приказчик вздыхал и охал.

Однако недолго пришлось им идти вдвоем, молчать да вздыхать. Неведомо откуда подскочил к ним и третий прохожий, босиком, в рваном пиджаке, в парусиновом кепи, и на вид молодой парень, только лицо опухло да у правого глаза синяк как будто бы недавний виднелся. Наши прохожие и не видали, откуда взялся этот молодец – не то справа он к ним подскочил, не то слева, не то с проселка, не то из перелеска, и не опомнились они, а он уже рядом с ними идет, цыгарку курит и жизнь свою рассказывает. И этот на горькую долю жалуется, недавнее счастье вспоминает, только не на тот образец, как приказчик. Этот сам про себя говорит:

– Мне бы барина какого господь послал поглупей да побогаче, так я бы его вот как оборудовал. Они меня, господа, любят, я умею им потрафлять... У одного такого-то барина – хороший телок мне попался – я пять годов выжил, сам был лучше барина... Я тогда в лакеях в трактире служил, и захотел господь послать счастье и послал – встретился с гулящим барином, он меня полюбил и приблизил... Уж и пожил я в полное свое удовольствие! Всего было! Так пожил, что даже избаловался, признаться, загордел, храп стал себе позволять... Ну, барин-то осерчал, все отнял, прогнал... Теперь иду, братцы мои, и сам не знаю... Ничего нет, обносился, оборвался, от черной работы отвык... Неужто ж мне так и пропадать? Эх, кабы господь опять счастье послал, ежели бы мне теперь наскочить на хороший мешок, хотя бы даже и из купеческого звания, так и то я бы утратил, понравился бы, как он там ни мудри, и уж теперь не дал бы маху!.. Нет! Уж теперь не промахнулся бы!

И так пошли они все трое; приказчик про свое счастье вспоминал, молил бога, чтобы господь послал ему сурьезного, капитального купца, а оборванец-лакей облизывался на свое

прошлое, больно уж сладко оно было, как они с барином по разным столицам бражничали, и тоже просил у бога счастья, тоже ждал, не свалится ли оно откуда-нибудь либо под видом барина-бражника, либо купчика-безобразника. Один только солдат не мешался в такие разговоры: ничего не советовал, ничему не поддакивал, а только покрывал да помалчивал, а иной раз и ухмылялся.

И вечер прошел и месяц взошел, прохожие выбрали местечко под деревом, сели отдохнуть, огонь развели; у солдата был и котелок, и хлеб, и картофель; у приказчика в сумке лепешка ржаная нашлась, а у лакея ничего не было: за спиной его на палке болтались одни только сапоги. Однако ему дали поесть. Потом все легли, укрылись чем попало (лакей притащил охапку сена из соседнего стога и навалил ее на себя), помолчали и с холоду ли или так с раздумья опять разговор завели, и все про то же: эх, кабы купца, эх, кабы барина – то-то бы счастье было!

– Эх, ребята, ребята! – не вытерпел, заговорил солдат. – Слушаю, слушаю я вас – чего это вы у бога просите? Какое это счастье? Это не счастье, коли его на тебя нанесло, или ты случаем на него набежал... Где ж оно, ваше счастье-то? Один без сапог, а другой без хлеба... Нет, почтенные, не тот есть счастливый человек, который эдаким вот манером, а тот есть счастливый человек...

Но тут старый служивый запнулся; очень мудрено и много приходилось ему говорить, а к мудреным словам он был непривычен. Помолчал он немножко, да и говорит:

– Нет, вот что я вам, ребята, скажу: жил я в разных местах, и в Польше, и на Кавказе, и в Баке огнедышащей, и там был – всего видел, много чего от людей слышал... Так вот у нас в этой Баке, на Сураханском заводе, татарин Абдулка страсть как искусно свои татарские сказки рассказывал... Так вот в памяти у меня, как болтал он про счастливых людей... так, притчи ихние насчет того, кто есть счастливый человек на свете. Вот я вам, коли что, расскажу, а вы сами смекайте, в чем тут главная причина... Я своих слов не могу высказать, потому тут много надобно говорить, а ежели притчами, так мне лучше...

– Говори, говори, дедко! – ежась от холоду под сеном, торопливо бормотал лакей.

А приказчик (он все вздыхал) вымолвил:

– И в притчах тоже бывает премудрость...

И опять вздохнул.

II

– Ну, – заговорил старик, – уж не знаю, премудрость тут какая или так, баснословие – разбирай как знаешь: мое дело рассказывать.

«Так вот, други милые, жил-был на белом свете, должно, там же у них, на Капказе, татарин один... ну, хоть Ахметка пушай будет прозываться. И такой этот Ахметка был человек, что и весь-то он с потрохом не стоит ломаного гроша. И из себя как пакля или мочала – ни силы у него, ни смелости, ни ума, ни смекалки – так, ни на что не похожая тварь... Примазался этот Ахметка к бабе к одинокой, тоже само собой ихнего персидского закону, в мужья к ней влез, живет с ней, ест-пьет, а никакого толку от него нету. Попервоначалу-то баба думала: «все, мол, мужчина в доме»; а как пожила, видит, что у него, у дурака, все живот схватывает, когда надо по хозяйству хлопотать, и стала баба сердиться. «Поди, мол, погляди, чего собаки лают». – «Да я болен! У меня, говорит, спазмы какие-нибудь начинаются или тифозная горячка!» А больше ничего – боится ночью из дому выходить. «Ну, – скажет жена, – тогда я пойду сама». И сейчас Ахметка с печки прыг, за ней. «Ведь у тебя, у подлеца, тифозная горячка? так чего ж ты выскочил?» – «Да я думаю, тебе, мол, одной страшно, так я проводить!» Будто бы то есть жене угождал, а наместо того самому страшно одному дома остаться. Ну, одним словом, не человек, а так, больше ничего, олух какой-то. А между прочим, послушай-кось, до чего достиг!...»

– Ну, ну! – торопил лакей.

– Ну вот, братцы мои, смотрела, смотрела баба евонная на все его подлости, не вытерпела, вышла из всяких границ, говорит: «Вон из моего дома! видеть я тебя не могу, дурака набитого! Надоел ты мне хуже горькой редьки... Пошел вон!.. Чтоб сию минуту духу твоего не было!» Тут Ахметка насмерть перепугался, пал ей в ноги, трясется, молит Христом богом – по ихнему само собой, – чтоб она хоть ночь-то дала ему переночевать, не гнала бы его, дала бы ему свету дожждаться... Выл, выл, совсем размяк, раскис рыдаючи – ну, жена согласилась, дозволила ему в сенцах, под дверью поспать. «Спи, говорит, балбес!» Ну а как чуть свет забрезжил, сейчас она выкинула ему все его пожитки – «праху чтоб твоего не было!» – и вытолкала за ворота да поленом ему грозит: «убью, как собаку!» Подобрал Ахмет свои пожитки да давай бог ноги, как заяц от гончих, только пятки сверкают... Верст за десять от деревни только-только почувствовался от страха, думал, что жена его убьет, еле-еле отдышался.

«Ну, кой-как да кое-как оделся он в свое хоботье, саблю свою нацепил, кинжал там какой-нибудь, потому что у них, у черномазых народов, завсегда при себе ножик. Такие живорезы, на редкость! Двухгодовалый парнишка, а и тот уж к отцовскому кинжалу тянется поиграть, а отец-то еще и сам учит: «пхни, пхни, мол, в мамку!...» Такой уж народ кровопролитный. Вот и Ахметка тоже... Уж на что, кажется, мочало, не человек, а тоже сабля, кинжал за пояс заткнут. Надел он этот свой наряд, шапку рваную, лохматую, ровно сенная копна, на голову нахлобучил и пошел, сам не знает куда.

«Идет и плачет, себя жалеет, о своей доле сокрушается. Шел, шел, устал, сел отдохнуть на камень. Вспомнил свою жену... стал ее ругательски ругать – видит, что теперь уж она его не достигнет; ругал, ругал он ее во всю мочь, на всю степь горло драл, да в сердцах до того расхрабрился, что даже гаркнул: «Погоди, мол, такая-сякая! Убью!», да в сердцах хватил кулаком об камень. А время было горячее, солнце в тех местах палит в темя, как углем горячим... Мух налетело неведомо откуда на этот камень-то... Как ударил он рукой-то об камень, чувствует: мокро! Поглядел – целую уйму мух он ухлопал одним махом. И так ему показалось это после сердец-то приятно, что кому-нибудь он свое горе отомстил, что стал он думать повеселей: «Ишь, дура этакая, – забормотал он по-своему, по-татарскому, вспоминая свою жену. – Ни на что я не годен, никуда не гоюсь, и трус-то я, и руки-то у меня мочальные... Нет, захочу, так все могу! Дура набитая, ценить не умела человека! Силы нету! Нет, вот один раз кулаком махнул – а

сколько их ухлопал!» Стал он считать, насчитал пятьсот мух. «Пятьсот! Ишь сколько! А всего-то один раз махонул! Нет, есть у меня сила. Пятьсот мух ухлопать с одного маху, это значит, в человеке есть сила. Ежели бы она, дура баба, меня почитала да хорошо за мной ходила, так я бы нешто такую силу забрал? Тварь этакая!» И так он стал хорошо об себе думать, что совсем расхрабрился, идет и все у него в голове эти пятьсот мух сияют. И сначала он думал о мухах, а что дальше идет – уж и о людях стал раздумывать; а как к городу какому-то стал подходить, так и совсем уж ему представилось, что не пятьсот мух он убил, а прямо сказать – пятьсот человек. Идет гоголем, на-поди! Пришел в город, прямо к мастеру, вынул кинжал и говорит: «Сделай надпись, что, мол, я, Ахмет, богатырь, побиваю по пятисот человек единым махом».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.